В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

БОСПОРСКИЕ ГОРОДА

Тиритака и Мирмекий на Керченском полуострове[1]

(По раскопкам 1932—1936 гг.)

В течение последних лет на Керченском полуострове экспедициями Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра совместно с Керченским археологическим музеем им. А. С. Пушкина регулярно ведутся раскопки двух городов Боспорского царства. В 1932 г. начаты были исследования на месте древнего города, находившегося в районе теперешнего Камыш-Буруна, в 11 км к югу от Керчи, у побережья пролива[2]. Этот город античные писатели упоминают под именем Тиритаки[3] (возможно, что у Плиния тот же населенный пункт значится под названием Dia)[4]. С 1934 г. одновременно с расследованиями Тиритаки ведутся систематические раскопки другого боспорского поселения—в 4 км к северо-востоку от Керчи, на побережье Керченской бухты. Развалины этого поселения, еще хорошо заметные в начале прошлого столетия, были уже тогда правильно отождествлены исследователями с боспорским поселением Мирмекием (Μυρμήκιον), отмеченным у многих античных писателей[5].

Все сведения о Тиритаке и Мирмекии до раскопок фактически исчерпывались тем, что о них говорят древние писатели, т. е. названиями этих поселений и их местоположением. Какое реальное значение имели поселения в жизни Боспорского царства, на этот вопрос не могло быть дано никакого ответа, так как остатки указанных поселений почти никогда не подвергались научным исследованиям, поскольку предполагалось, что усилия и затраты, потребующиеся на это, не оправдаются научными результатами. Теперь, после того как в Мирмекии и Тиритаке раскопками вскрыты уже довольно значительные участки древних городищ, имеется возможность выска-

[1] В основу настоящей статьи положен доклад, прочитанный автором на XVIII пленуме Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра 22 марта 1937 г.

[2] Раскопки были начаты по инициативе Керченского музея в лице его директора Ю. Ю. Марти.

[3] Anon. peripl. Ponti Eux. § 76; Ptol., III, 6; Steph. Byz., s. v. Τυριτακή.

[4] Plin. N. H., IV, 86. Вопрос о локализации Тиритаки и о Дии мною подробно рассмотрен в специальной статье, которая выйдет при отчете о раскопках.

[5] [Scyl.] Peripl. § 68; Strab. VII, 309; XI, 494; Anon. peripl. Ponti Eux. § 76; Plin. N. H., IV, 87; Mela, II, 3; Ptol., III, 6; Jordanis, Getica, V, § 32; Steph. Byz. s. v. Μυρμήκιον.

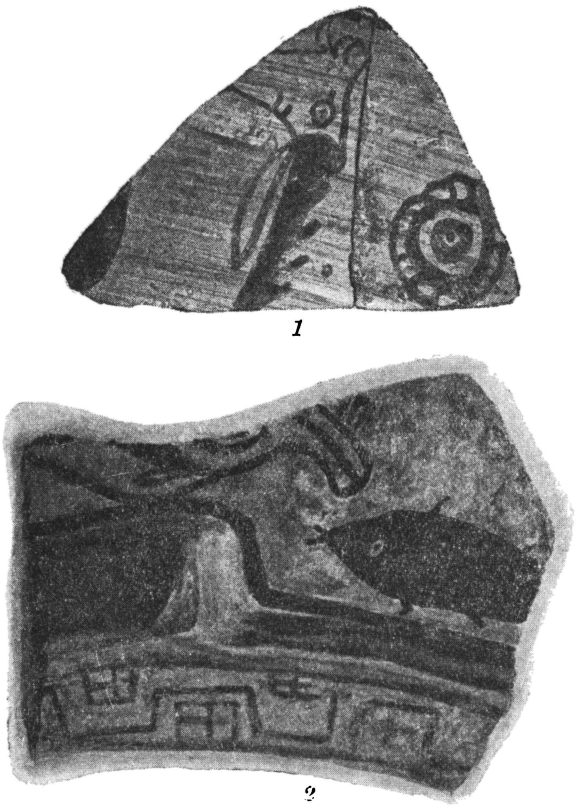


Рис. 1. Фрагменты родосско-ионийских ваз, найденные в Мирмекии (1) и в Тиритаке (2)

зать некоторые соображения о том, что представляли собой в античную эпоху Тиритака и Мирмекий.

Само собою разумеется, что в кратком обзоре мы сможем весьма суммарно изложить результаты, полученные раскопками Тиритаки и Мирмекия, отмечая, главным образом, только те факты, которые представляют наибольший интерес с точки зрения общих исторических выводов[1].

Археологический материал нижних культурных слоев позволяет говорить о возникновении Тиритаки и Мирмекия приблизительно в половине VI в. до н. э. Дата эта устанавливается находками архаической, преимущественно родосско-ионийской керамики (рис. 1). Наличие ионийского импорта в ранних культурных отложениях вполне понятно, поскольку основным колонизационным центром для Боспора являлся Милет. Установление даты возникновения Тиритаки и Мирмекия показывает, что процесс колонизации районов, прилегающих к Боспору Киммерийскому, происходил сразу в виде

[1] Подробности будут изложены в готовых к печати отчетах.

Рис. 2. Глиняное блюдо V века н. э., найденное в Тиритаке

довольно широкого территориального охвата и не ограничивался основанием только больших колониальных центров (Пантикапей и др.). И это вполне понятно, так как, поскольку одной из основных экономических предпосылок первоначального внедрения греков в колонизуемую ими местность являлись торгово-меновые связи с местным населением, естественно, что уже на первых порах возникала потребность организации не только одного-двух крупных центров, но и целого ряда более мелких населенных пунктов, через которые мог быть налажен коммерческий контакт с туземцами. Рост поселений шел довольно быстро, и уже в V в. до н. э., как показывает, в частности, распространение вещественных находок этого времени на территории исследуемых городищ, в основном определились границы Тиритаки и Мирмекия, остававшиеся в дальнейшем более или менее неизменными. Мирмекий просуществовал непрерывно до III—IV вв. н. э., затем жизнь города надолго оборвалась. В Тиритаке обнаружены данные (рис. 2), свидетельствующие о более длительном существовании города, до VII—VIII вв. включительно, но и здесь, очевидно, в позднеримский период, жизнь города, если и не замерла полностью, то сильно сократилась. Город, повидимому, подвергся разорению; об этом говорят следы пожарищ в развалинах позднеримских жилищ, следы в это же время произведенного разрушения укреплений города и т. д.

Пепелища античных городов Боспора часто избирались потом местом более поздних поселений. Так и над развалинами римских зданий (III—IV вв.) в Тиритаке на верхней террасе городища обнаружены остатки жилых домов VI—VIII вв. н. э., где найдено много жерновов от ручных мельниц, круглодонных раннесредневековых амфор и пр. Все это заставляет вспомнить сообщение Прокопия о вос-

становлении императором Юстинианом укреплений Боспора (т. е. Пантикапея), захваченного и разрушенного перед тем варварами. Повидимому, в это время, т. е. в VI в., ожила на некоторое время и Тиритака. В Мирмекии также открыты остатки средневекового поселения, но более позднего периода. На мощных культурных напластованиях античного Мирмекия в XIV—XV вв. возникло снова поселение. В северной части городища обнаружены стены жилых построек, в развалинах которых большое количество поливной (глазированной) посуды, джугидские монеты XIV в. и т. д. Характерно, что почти в каждом жилище находятся массивные ступки, служившие для размола зерна—черта, сближающая эти остатки средневековых жилых комплексов с позднесредневековыми жилыми домами, открытыми недавними раскопками в Херсонесе. Таковы основные хронологические вехи жизни Тиритаки и Мирмекия. Раскопки, вместе с тем, дали также ряд памятников, говорящих об обитаемости восточной части Крымского полуострова до появления здесь эллинов.

Характерно, что архаическая импортная греческая керамика обнаружена в Мирмекии в совместном залегании с туземной (скифской) посудой в виде лепных, т. е. сделанных без применения гончарного круга, горшков с простейшей орнаментацией. Впрочем, некоторые находки принадлежат еще более древнему населению; так, например, при раскопках ранних культурных отложений Мирмекия встречено несколько кремневых орудий.

В высокой степени интересной является находка в Тиритаке двух превосходно сохранившихся, высеченных из известняка антропоморфных стел (рис. 3) (третья, аналогичная стела, оказалась сильно фрагментированной). Стелы были в свое время использованы в качестве строительного материала: они обнаружены в кладке фундаментов монументальной стены одного из городских сооружений, относящегося, повидимому, к V в. до н. э. Очевидно, где-то в районе Тиритаки находились восходящие к глубокой древности туземные погребения, с которыми и были связаны эти стелы. Обе стелы в схематизированной форме воспроизводят человеческие изображения, причем скульптурное оформление этих изваяний до такой степени примитивно, что они по существу чрезвычайно близки к памятникам типа менгиров. Плиты, суживаясь книзу, в верхней части имеют прямоугольные очертания с небольшим округлым выступом посредине, изображающим голову. Все изобразительные элементы, выполненные в виде плоского рельефа, сосредоточены на передней стороне стел, тыльная сторона их имеет гладкую поверхность. Одна из стел (высота 1,28 м, наиб. ширина—0,63 м, толщина—0,13 м) изображает женщину, как это явствует из наличия схематически обозначенных грудей. Вторая стела (высота 1,40 м, наиб. ширина—0,55 м, толщина—0,17 м), не имеющая этих признаков, является, очевидно, изображением мужчины. Глаза и рот выполнены в виде небольших углублений. По обеим сторонам от головы изображены руки—вдоль верхнего края плиты высечены плоские горизонтальные полосы, долженствующие обозначать плечи, которые затем переходят под острым углом в предплечья и заканчиваются громадными кистями

Рис. 3. Антропоморфные стелы, найденные в Тиритаке

рук со старательно, но очень грубо показанными пальцами. Найденные в Тиритаке стелы по характеру трактовки человеческого образа довольно близки некоторым западноевропейским так наз. «статуям-менгирам» эпохи бронзы[1]. Для датировки тиритакских менгиров решающее значение имеет найденная сравнительно недавно в Румынии, близ Гамангии (Добруджа), «статуя-менгир», изображающая женское божество, чрезвычайно сходное в основных чертах со стелами Тиритаки, хотя по сравнению с последними менгир из Гамангии более усложнен изображением целого ряда дополнительных элементов[2]. Менгир из Гамангии найден в кургане, датируемом по находкам временем позднего энеолита или даже скорее эпохой развитой бронзы (в районе Нижнего Дуная), т. е. приблизительно серединой второго тысячелетия до н. э. Исходя из этой аналогии, мы

[1] D é c h e l e t t e—Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine, II, p. 489, Paris, 1910.

[2] V. P â r v a n—La «statue-menhir» de Hamangia. Dacia II. 1925. Bucarest, стр. 422 и сл.

имеем право заключить, что найденные в Тиритаке менгиры являются памятниками еще доскифского населения, и что принадлежат они, быть может, киммерийцам.

Несмотря на тесные социально-экономические связи греческих городов Боспора с коренным местным населением, в особенности с верхним его слоем, тем не менее туземные племена, населявшие владения Боспора и соседившие с ними, всегда представляли для боспорских городов реальную угрозу, с которой приходилось тем более считаться, поскольку значительные массы этого туземного населения были на положении эксплоатируемых зависимых производителей. Все это и должно было вызвать заботы Боспора об укреплении его основных опорных и производственно-хозяйственных пунктов.

Раскопки еще не дали ответа на вопрос, был ли Мирмекий укрепленным поселением, и каковы были его оборонительные сооружения. В отношении же Тиритаки мы располагаем уже достаточными данными, которые показывают, что город был основательно укреплен (рис. 4). На протяжении около 115 м раскопками открыты остатки каменной оборонительной стены и башен, защищавших город с юга. Исследования позволили установить, что эти стены и башни неоднократно ремонтировались и подвергались не раз подчас весьма значительным переделкам. Особенно в данном отношении показательна часть стен на южной нижней террасе городища. Здесь обнаружены городские ворота, находившиеся

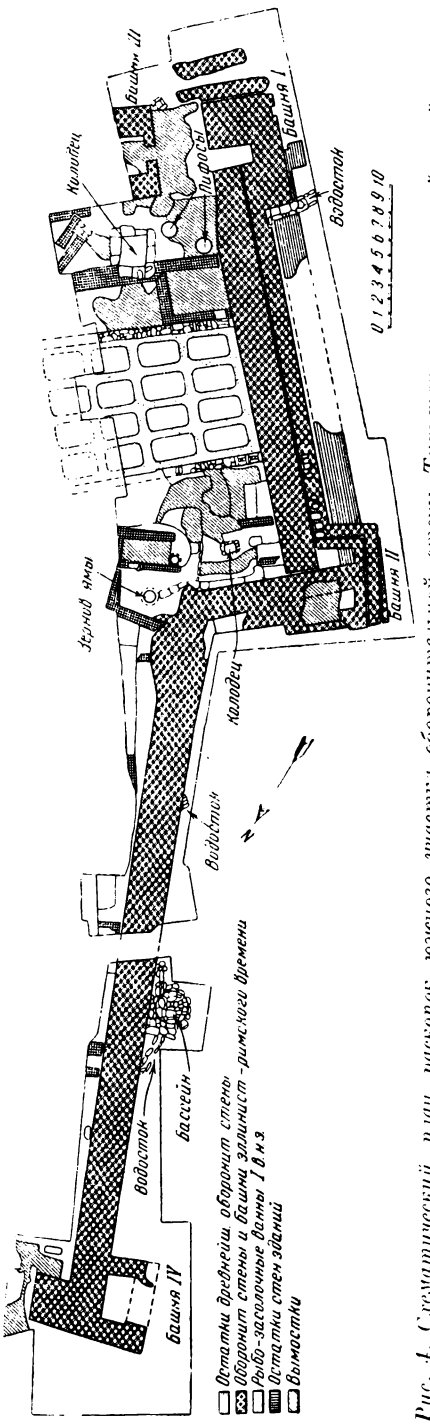


Рис. 4. Схематический план раскопок южного участка оборонительной стены Тиритаки и прилегающей к ней части древнего города

под защитой двух башен, отстоящих одна от другой на расстоянии 3,60 м. От одной из этих башен (III) оборонительная стена, повидимому, шла в северо-восточном направлении, образуя защиту восточной границы города. От другой башни (I) стена, имея в толщину 3,30 м, проходит на северо-запад (рис. 4) и заканчивается на расстоянии 21 м другой башней (II). Оборонительная стена здесь резко изменяет свое направление и под прямым углом поворачивает на северо-восток, подымаясь по довольно крутому косогору. Эта куртина, имеющая в длину приблизительно 10 м и в ширину около 1,80 м, под углом, примерно, 110°, смыкается с оборонительной стеной средней террасы. Стена эта, толщиной 2,40 м, сохранившаяся местами до 3 м, тянется на северо-запад и заканчивается прямоугольной башней.

Одним из наиболее уязвимых в боевом отношении был, несомненно, тот участок стен, который расположен в самой низменной части, т. е. куртина, ограниченная по обоим своим концам башнями I и II. Поэтому обороноспособности этого участка уделялось особое внимание, что подтверждается, в частности, открытием здесь остатков фундаментов более ранней стены, построенной, вероятно, еще в V в. до н. э. и имевшей толщину 1,80 м. Остатки этой стены обнаружены около башен I и II, причем башни частично перекрывают уцелевшие части фундаментов древнейшей стены. В эллинистический период в целях усиления обороны южного района города, что, может быть, было связано вообще с широко проведенной перестройкой городских боевых стен, первоначальную стену нижней террасы сломали и вместо нее рядом возвели новую, более мощную стену, толщиной 2,40 м, причем ее лицевая сторона была затем облицована рустованными плитами с доведением тем самым мощности стены до 3,20—3,30 м. Интересно отметить, что для устройства облицовки фасада стены вдоль ее основания был пристроен особый бутовый фундамент, шириной 1,20 м.

В нескольких местах под оборонительной стеной сделаны каменные водосточные каналы, служившие для вывода из города дождевых вод (рис. 4). В раскопанной южной части города за оборонительной стеной открыты вымощенные плитами мостовые, спланированные с таким расчетом, чтобы сток дождевых вод направлялся к выводному каналу, устроенному под оборонительной стеной около башни I. Один из таких водостоков соединен с круглым бассейном, построенным из каменных плит (внутренний диаметр бассейна 2,20 м), около внешней стороны оборонительной стены на средней террасе. Очевидно, здесь дождевые воды утилизировались для каких-то целей.

В позднеримское время оборонительные стены были, повидимому, разрушены в связи с общим разорением, постигшим город. Но на развалинах фундаментов боевых стен сохранились позднейшие следы жизни людей, когда стены уже были почти сравнены с землей. Так, например, в одном месте на стене средней террасы обнаружены остатки глинобитного пола, покрытого золой, кусками зеленоватого шлака и т. д. На этом же уровне около стены открыты примитивные очаги и печь.

В задачу последующих исследований входят разыскания всей системы фортификационных сооружений, но уже и сейчас ясно, что остатки укреплений Тиритаки отразили на себе и времена подъема и роста благосостояния, и времена упадка, завершившегося в конечном счете гибелью Боспорского царства.

С самых первых моментов своего существования Тиритака и Мирмекий были связаны с торговым обменом, на что указывают многочисленные находки привозной греческой керамики, начиная с древнейших культурных слоев. Основные этапы развития внешнеторговых сношений, рисующиеся по материалам изучаемых городищ, главным образом, по керамическим находкам, в общих чертах совпадают с тем, что уже известно на основании изучения боспорских некрополей (наиболее ранний ионийский импорт сменяется затем преобладанием афинской продукции, в эллинистический и римский период доминирующим является малоазийский ввоз). Найденные при раскопках Тиритаки и Мирмекия в количестве нескольких сот керамические клейма (на ручках и горлах амфор) показывают торговые связи Боспора. Наибольшее количество составляют клейма с именами астиномов, которые с достаточной уверенностью теперь можно считать продукцией Синопы. Затем, по количеству следуют клейма Родоса, Фасоса, Книда, Гераклеи и Херсонеса. Но характерно, что в общей массе вещественных находок сравнительно немногочисленны находки особенно дорогих высокохудожественных изделий импортного происхождения, что объясняется, несомненно, соответствующим экономическим положением преобладающего большинства населения, обитавшего в Тиритаке и Мирмекии, и специфическими производственно-хозяйственными функциями этих поселений. Боспорская знать предпочитала, очевидно, селиться в Пантикапее, в центре культурно-политической жизни, но весьма вероятно, что в периферийных поселениях находились принадлежавшие ей экономии.

В этом отношении не менее показателен и общий облик поселений, насколько его сейчас можно представлять по незавершенным еще раскопкам. Бросается в глаза обилие хозяйственных остатков, о чем подробнее речь будет ниже. В общем, поселения отличались наличием определенного благоустройства. Улицы имели чаще всего так наз. черепяные мостовые (покров таких мостовых состоит из втрамбованных в слой глины черепков битой посуды и мелкого щебня) или—реже—мостовые из плит. Система водостоков служила для отвода ливневых вод. Изобилие на Керченском полуострове превосходного строительного камня позволяло и в древности в качестве основного строительного материала применять местный известняк.

Обычно рядовые жилые дома возводились из бута или из довольно грубо обработанного полубутового камня на глине, иногда из плит, не отличающихся, однако, тщательностью тески и шедших часто в кладку стен при самых разнообразных размерах отдельных штук. В помещениях устраивались открытые очаги и кухонные печи из камней или сырцовых кирпичей. Кровли покрывались черепицами,

причем в развалинах эллинистических построек обыкновенно встречается изрядное количество боспорских черепиц с клеймами, в том числе царскими (черепицы синопские с клеймами астиномов единичны).

Полы в жилых помещениях, повидимому, чаще всего были земляные или глинобитные, во дворах и хозяйственных помещениях делались настилы из каменных плит (рис. 5). Показателен тот факт, что в Тиритаке и Мирмекии почти не встречаются остатки расписных штукатурок в жилых домах, столь обычные, например, при раскопках пантикапейского городища.

В Тиритаке в 1936 г. раскопки впервые натолкнулись на остатки здания, повидимому, римского времени, в котором оказалось большое количество обломков мраморных плит (вероятно, от облицовки стен). Раскопки этого здания только начаты, и в дальнейшем предстоит выявить его полностью и установить назначение этого сооружения, выходящего за рамки рядовых частных строений. Одновременно в Мирмекии были также обнаружены интересные плиты от антаблемента (архитрав, фриз с триглифами и гладкими метопами и карниз) раннеэллинистического здания дорического ордера, возможно, культового или общественного характера. Находка нескольких других архитектурных деталей, также использованных в последующие времена, как строительный материал, показывает, что некоторые постройки безусловно выделялись из общего, достаточно скромного по своему архитектурному оформлению, ансамбля жилых и хозяйственных сооружений.

В соответствии с общим характером таких поселений, как Тиритака и Мирмекий, раскопки дают количественно очень большой обиходный вещественный инвентарь, прежде всего, в виде хозяйственной утвари, преимущественно глиняной посуды, тары для хранения продуктов (пифосы, амфоры), орудий производства и т. д. Этот вещественный материал дает возможность не только представить реальную обстановку быта широких слоев населения, но он, вместе с тем, служит ценным источником для выяснения местного производства со стороны технического уровня и т. д., что до сих пор оставалось совершенно неизученным. Наблюдения, произведенные при раскопках, дают право заключить, что особенно интенсивно стало развиваться местное боспорское производство в эллинистический период, когда ввиду сократившейся внешней торговли Боспора многое из того, что ввозилось извне, стало в силу необходимости производиться на месте в городах Боспора. Именно с этого времени, например, особенно стало развиваться массовое изготовление местных керамических изделий, в первую очередь, конечно, простейшей обиходной посуды, в выделке которой местные гончары эллинистического времени зачастую своеобразно имитировали привозные керамические изделия. Вообще по части продукции боспорского художественного ремесла раскопки дали немало интересных находок, например многочисленные образцы раннеэллинистических терракот, выделывавшихся непосредственно в Тиритаке (открыты остатки мастерской коропласта), украшения из кости (рис. 6) и т. д.

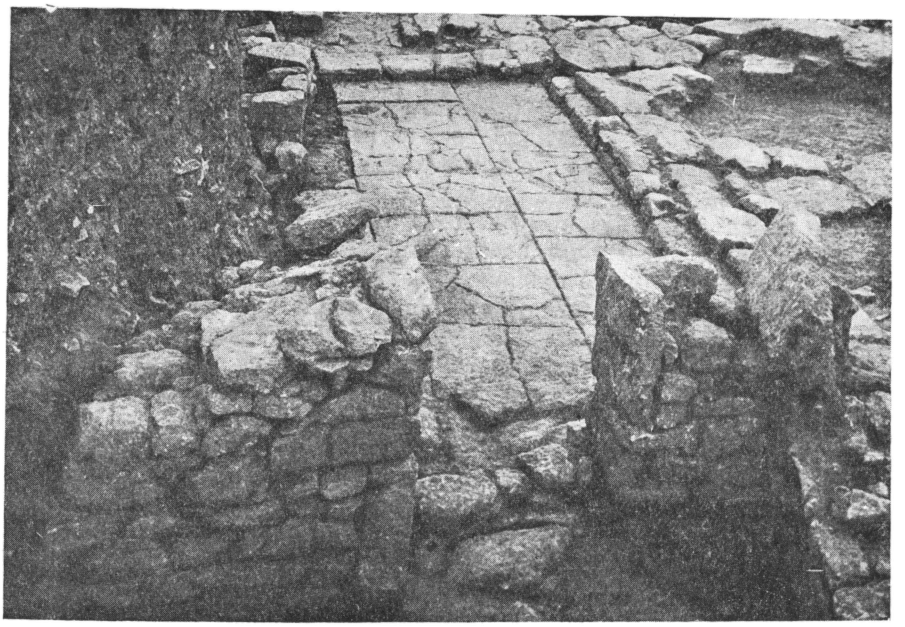


Рис. 5. Дворик эллинистическо-римского времени в Мирмекии

При обрисовке хозяйственного значения Тиритаки и Мирмекия необходимо учесть, что эти поселения были связаны с основной отраслью боспорской экономики, т. е. с земледельческим хозяйством, на котором, как известно, базировался обширный экспорт хлеба—основа благосостояния Боспора. В Тиритаке и в Мирмекии в культурных отложениях VI—V вв. до н. э. были обнаружены скопления хлебных зерен. Анализ показал, что это зерна пшеницы и ячменя. Интересно, что на дне одной ямы-зернохранилища позднеримского времени в Тиритаке также найдены остатки пшеницы и ячменя. Очевидно, это были основные хлебные злаки, которые возделывались на Боспоре во все периоды. Попутно отметим, что в культурном слое классического времени в Тиритаке совместно с зернами пшеницы и ячменя оказались зерна Ervum ermilia (вика чечевицеобразная), разводившейся, вероятно, для употребления в пищу. При раскопках обоих городищ встречено немало искусственно вырытых больших ям, служивших для хранения припасов и в первую очередь—зерна. Вообще при жилищах и в особых хозяйственных помещениях встречаются ямы двоякого рода: одни выполняли вышеуказанные функции складочных вместилищ, другие, повидимому, специально предназначались и для ссыпки кухонного мусора и, прежде всего, золы, выгребавшейся из домашних печей и кухонных очагов. Некоторые ямы были заполнены почти исключительно золой и пищевыми остатками.

Видное место в экономике населения занимало и скотоводство, что подтверждается большим количеством костей домашних живот-

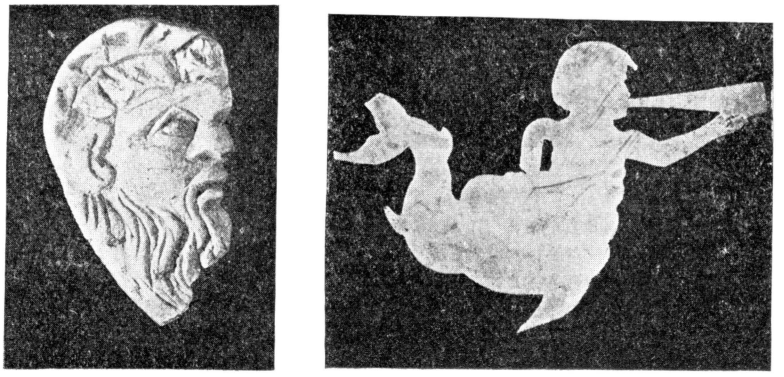
ных[1]. Количественно на первом месте во все периоды (это в равной мере относится и к Тиритаке, и к Мирмекию) стоит мелкий рогатый скот (домашняя овца и домашняя коза), а также крупный рогатый скот. Далее, должны быть отмечены лошадь и домашняя свинья, кости которых встречаются во всех культурных слоях, но больше всего в эллинистическом и римском. Судя по многочисленности находок костей, обычным домашним животным являлась собака.

Что касается разведения овец, то этому, вероятно, придавалось большое значение и с точки зрения получения шерсти, необходимой, как сырье, для ткацкого производства. Что выделка тканей входила составной частью во многие домашние хозяйства, это находит подтверждение в частых находках среди остатков домашней утвари глиняных и костяных пряслиц от веретен, а также встречающихся в большом количестве глиняных гирь в виде усеченных пирамидок (так наз. «грузила»), применявшихся для натягивания нитей основы в ткацких станках.

Особенно ценным является то, что раскопки Тиритаки и Мирмекия дали возможность установить, что являлось основным в хозяйственных функциях обоих этих поселений. В этой связи должно быть отмечено открытие в Мирмекии и Тиритаке целой серии памятников боспорского виноделия. Памятники эти представляют весьма значительный интерес и требуют специального исследования. Здесь мы ограничимся лишь краткой их описательной характеристикой. В Мирмекии открыты остатки нескольких виноделен, т. е. специальных зданий, предназначенных для производства виноградного вина и для этих целей специально оборудованных. Кроме того, найден ряд отдельных орудий виноделия вне определенных хозяйственных комплексов. Наибольшей по своим производственным масштабам должна быть признана мирмекийская винодельня, открытая в 1934 г. в северной части городища, где теперь уже раскопана обширная часть одного из кварталов древнего города (рис. 7). Винодельня эта, построенная в конце III—начале II в. до н. э., представляет обширное здание, разделенное внутри коридорообразным промежутком на две половины. С южной стороны находилось помещение, вымощенное каменными плитами. Тут, вероятно, складывался виноград, доставлявшийся для переработки с виноградников, хранился хозяйственный инвентарь и т. д. По другую сторону, т. е. к северу, расположено помещение давильни (длина 12,40 м, ширина 5,30 м) со всем необходимым для переработки винограда в вино (рис. 8).

В восточной половине и в средней части помещения давильни размещены основные технические приспособления (давильная площадка, прессы, два резервуара). В юго-восточной части давильни устроена гладкая цементированная площадка (длина 3,60 м), на которой производилось раздавливание винограда ногами. По каменному желобу выжатый сок с площадки стекал в четырехугольный резервуар. Указанная давильная площадка и другие смежные отде-

[1] Определения костей выполнены В. И. Громовой в Зоологическом институте Академии наук СССР.



1 2

Рис. 6. Костяные украшения: 1—голова силена эллинистического времени, найдена в Мирмекии; 2—силуэтное изображение тритона, найдено в здании раннеримского времени в Тиритаке

ления разделялись друг от друга деревянными, повидимому, невысокими, перегородками, от которых в цементном полу сохранились узкие пазы, куда вставлялись доски.

В северо-восточном угловом отделении давильни находится основание пресса в виде прямоугольной каменной плиты (длина 1,40 м, ширина 1,20 м) с высеченной по краям с четырех сторон полосой на 1,5 см ниже средней части плиты. После того, как виноград был раздавлен ногами и получен первый сок, виноградную мязгу подвергали затем более сильному сжатию при помощи пресса. Для этого на указанную каменную плиту накладывали предназначенную к прессованию массу и нажимали на нее рычагом. Не входя в детальную реконструкцию устройства пресса, что будет уместно сделать в специальном исследовании, я лишь укажу, что по всей вероятности мы здесь имеем остатки рычажного пресса, в котором прессуемая виноградная масса помещалась в особый четырехугольный деревянный ящик (так наз. galeagra), а точка опоры для рычага устраивалась в соседней стене, т. е. такая конструкция пресса, описание которой дано у Герона Александрийского.

Примыкающее к площадке с вышеуказанным основанием пресса большое отверстие в цементированном полу является результатом частичного разрушения винодельни в сравнительно недавнее время, при рытье ямы.

Далее, мы видим основание второго пресса в виде массивной каменной плиты с отливом, выступающим над резервуаром (наиб. длина плиты—2,40 м, ширина—1,50 м, толщина—0,25 м). Действие этого второго пресса было аналогично первому, с той только разницей, что на среднюю часть плиты нагружалась виноградная мязга в мягкой таре (в мешке или корзине) и затем с помощью рычага подвергалась сдавливанию, чтобы выделился по возможности весь сок. Но зачем нужно было иметь в винодельне два пресса? Дело в том, что винодельня, построенная в III—II вв. до н. э., после некоторого

времени ее эксплоатации оставалась затем без использования и только после перерыва снова была восстановлена (приблизительно в I в. до н. э.—I в. н. э.), но с внесением в ее устройство довольно существенных изменений. В связи с этим можно предполагать, что основание пресса, находящееся в северо-восточном углу, устроено при возобновлении винодельни, большая же плита в центральной части помещения является основанием первоначального пресса, действовавшего только в первый период. Впоследствии же при переделке винодельни эта плита была использована под устройство второй оцементированной давильной площадки, на которой виноград давили ногами. Таким образом, эта винодельня не только позволяет восстановить картину производства, но и дает ряд данных относительно изменений в технике.

Давильные площадки для растаптывания винограда и резервуары, в которых собиралось выжатое сусло, были покрыты несколькими слоями цемента, состоявшего из раствора извести с добавкой песка и мелко истолченных черепков глиняной посуды или черепиц. Последняя примесь придавала раствору гидравлические свойства, т. е. способность не разрушаться от действия воды, влаги. И, действительно, оцементированные части винодельни (в особенности пол давильной площадки) в момент открытия их раскопками оказались в очень хорошей сохранности, хотя со времени их сооружения прошло около двух тысяч лет. Интересно, что резервуар, в который поступал сок, был разделен внутри на два отделения поперечной стенкой (хорошо видно на рис. 8) для того, чтобы сок, выжимавшийся прессом, не смешивался с соком, получавшимся при первичном раздавливании винограда ногами и дававшим лучшее вино. Масштаб всего производственного комплекса, в частности большие размеры давильных площадок, где давильщики топтали виноград, большая емкость резервуаров, из которых каждый мог вместить почти десять тысяч литров, показывают, что данное винодельческое хозяйство не может быть отнесено к мелким хозяйствам в условиях античного времени. При расследовании непосредственно прилегающего к винодельне квартала было обнаружено несколько каменных прессов («тарапанов»), применявшихся в виноделии. С восточной стороны открыта часть соседнего здания с оцементированной стеной, повидимому, также имевшего отношение к виноделию. То значение, которое имела для Мирмекия данная отрасль производства, в особенности отчетливо выяснилось в результате открытия в 1935 г. еще двух виноделен, примерно, в 100 м к юго-западу от вышеописанной винодельни.

Эти винодельни римского времени (I—II в. н. э.) оказались более разрушенными, но и при сохранившихся остатках принцип их устройства вполне поддается выяснению. Обе винодельни расположены рядом, их разделял только узкий (около 1,50 м), мощенный плитами проход. Устройство обеих виноделен в конструктивном отношении было одинаковое. Поэтому рассмотрим только одну из них—южную, представленную на рисунке 9. В восточной ее части сохранились (неполностью) три смежные оцементированные давильные площадки,

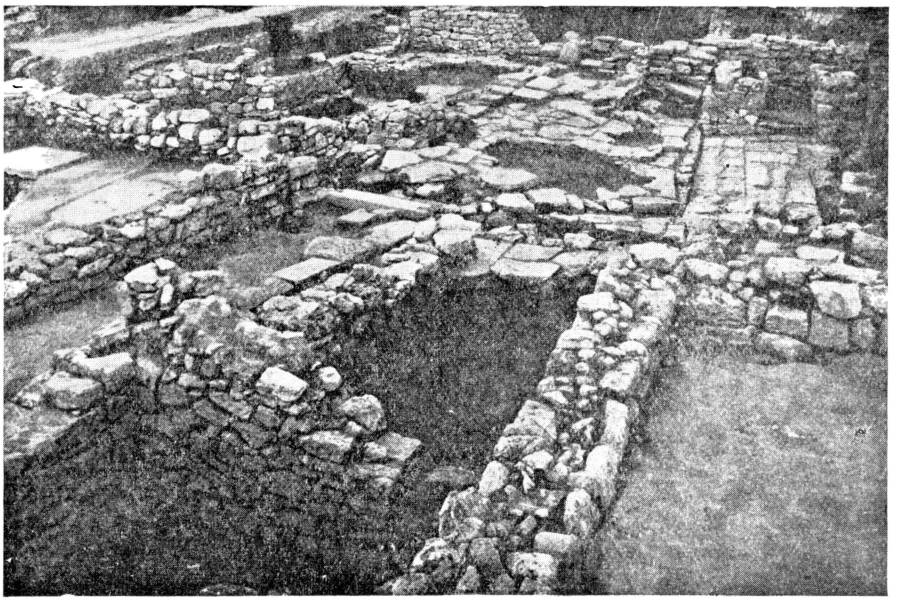


Рис. 7. Общий вид раскопок в северной части Мирмекия

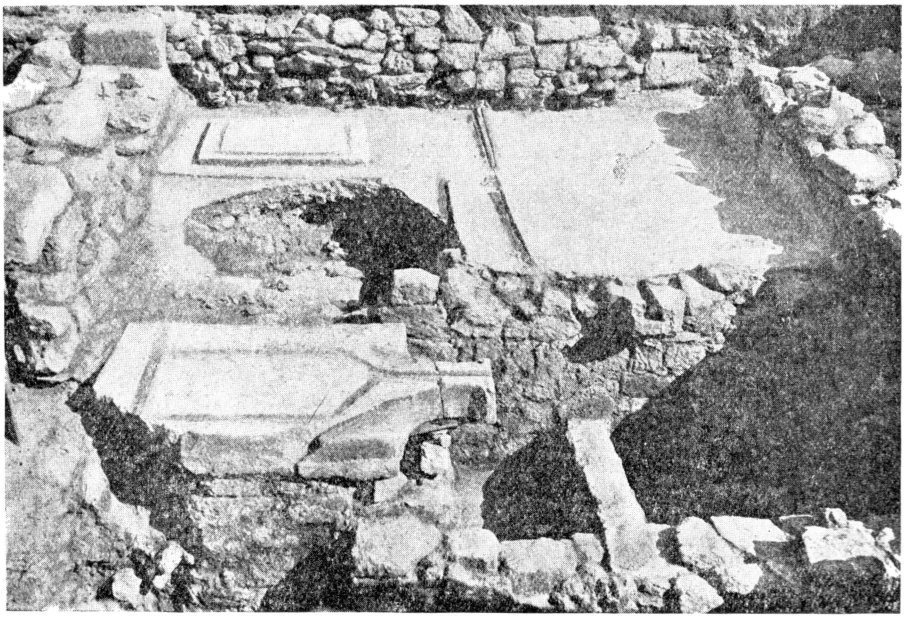


Рис. 8. Вид восточной половины помещения винодельни, открытой в северной части Мирмекия

гладкие, с небольшой покатостью в западном направлении. Средняя площадка (ширина 1,76 м) отделена от боковых (ширина каждой 1,86 м) жолобами, устроенными в цементном полу. Судя по отпечаткам древесины, имеющимся внутри этих жолобов, в них вставлялись дощатые перегородки. Средняя площадка отличается от боковых тем, что центральная ее часть занята вделанной в пол каменной плитой (1,13 м×1,17 м). Против каждой площадки устроены резервуары прямоугольной формы в плане с оцементированными внутри стенками и днищами (размеры одного резервуара: длина—1,93 м, ширина—0,83 м, глубина—1,40—1,80 м). Следовательно, с каждой площадки виноградный сок стекал в особый резервуар. Наличие каменной плиты на средней площадке ясно показывает, что здесь был устроен пресс. Стало быть, первоначальная обработка винограда происходила на боковых площадках, где сок выжимали ногами, а затем, для окончательного извлечения сока мятый виноград перекладывали на среднюю площадку и подвергали на каменной плите давлению рычага. Наличие трех резервуаров позволяло соки первой и последней выжимки не смешивать. Вблизи от резервуаров обнаружен каменный колодец, снабжавший винодельню водой. От винодельни, открытой в 1934 г., только что описанная винодельня отличается более четкой распланировкой. Все части винодельни, соприкасавшиеся с виноградным соком, были покрыты цементом уже известного нам состава (известь, песок, толченая керамика). В некоторых местах, например на поверхности цементной штукатурки в резервуарах, было установлено наличие красной краски, тонким слоем которой, очевидно, были покрыты все оцементированные части винодельни. Анализ [1] показал, что краска эта по своему химическому составу является окисью железа, и что красочный слой отличается большой сопротивляемостью в отношении к воде и другим химическим веществам. Очевидно, в целях лучшей сохранности оштукатуренные поверхности покрывались особым веществом, придававшим цементным покрытиям большую прочность и устойчивость к воздействию виноградного сусла.

Данные, полученные благодаря раскопкам Мирмекия, показали, что значительные площади к северо-востоку от Керчи в эллинистическо-римский период были использованы под виноградники, причем виноградарство было тесно связано с виноделием. Последующие раскопки, однако, показали, что эта отрасль хозяйства на Керченском полуострове была распространена еще шире, чем это представлялось первоначально. В 1936 г. под развалинами раннесредневековых домов на верхней террасе городища Тиритаки были также открыты остатки большой винодельни, построенной, повидимому, в III в. н. э. От нее сохранилась (рис. 10) часть цементного пола, на котором давили виноград, и три оцементированных внутри резервуара (размеры каждого: длина—2,30 м, ширина—0,90 м, наиб. глубина—2,20 м). Любопытно, что днища в них устроены с большим наклоном,

[1] Исследование краски производил В. Н. Конон в НАТ ГАИМК.

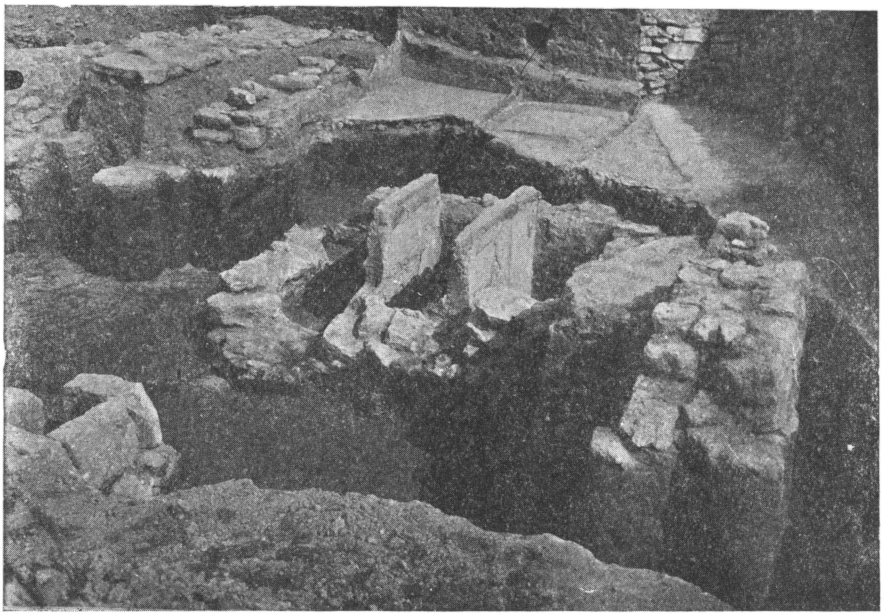


Рис. 9. Остатки винодельни с тремя резервуарами римского времени в Мирмекии

заканчивающимся округлым углублением (диам. 0,70 м, глубина около 0,55 м), вследствие чего разница уровней дна в противоположных концах резервуаров достигала почти метра (рис. 11). Такое устройство дна было практически вполне целесообразно, так как оно облегчало вычерпывание жидкости из резервуаров. Одновременные раскопки в 1936 г. на средней террасе городища Тиритаки привели к открытию второй винодельни, особо выделяющейся замечательной своей сохранностью (рис. 12). С улицы ступенчатый вход ведет в помещение винодельни (наиб. длина—8,80 м, наиб. ширина—5,30 м). В южной половине этого здания находятся две оцементированные, отделенные одна от другой низкой перегородкой, давильные площадки, не одинаковые по своим размерам. В соответствии с этим перед каждой площадкой устроено по резервуару, различной вместительности [1) длина—2,00 м, ширина—1,35 м, глубина—1,55 м, 2) длина—1,35 м, ширина—1,20 м, глубина—0,70 м]. Сусло стекало по каменным жолобам, выступающим над резервуарами. Посредине юго-восточной давильной площадки имеется настил из каменных плит (1,00 м×1,15 м), служивший платформой, на которой производили окончательную выжимку сока посредством рычага. Но что особенно интересно, в противоположной части винодельни оказался in situ каменный блок (длина—1,20 м, ширина—0,50 м, высота—0,61 м), весом более полутонны, с вырубленными в нем пазами (рис. 13). Камень этот, несомненно, служил гирей, увеличивавшей силу давления рычага. Эта деталь технического устройства боспорских вино-

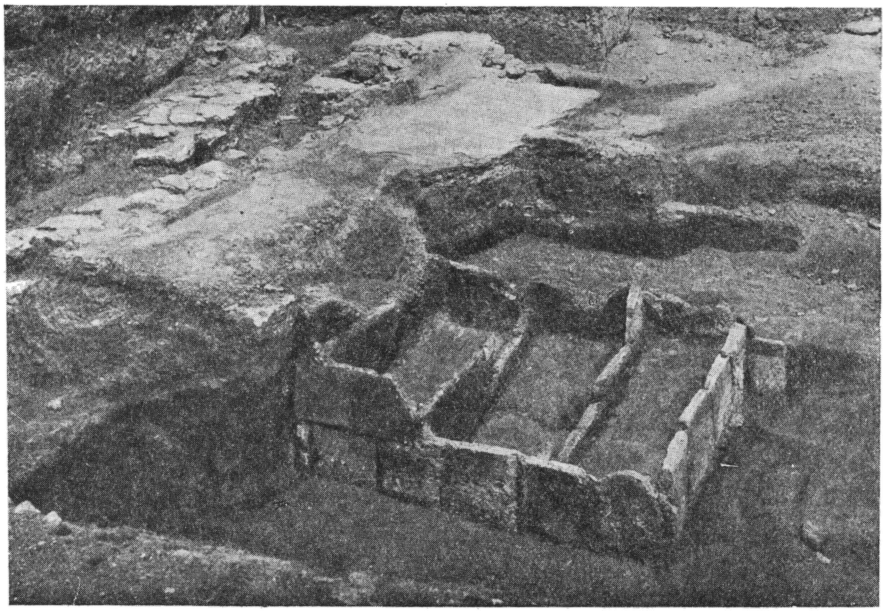


Рис. 10. Остатки винодельни римского времени, открытые на верхней террасе Тиритаки

делен здесь встречена впервые, она позволит в дальнейшем восстановить конструкцию пресса и его действие.

Если ко всему сказанному относительно открытых в Тиритаке виноделен мы добавим, что к юго-востоку от вышеописанной винодельни найдено восемь оцементированных днищ от резервуаров, несомненно, имевших, как это показывает их устройство, прямое отношение к виноделию (покатые днища с круглыми углублениями); если еще учесть, что в разное время при раскопках встречались отдельные орудия виноделия и виноградарства (железный нож для срезания винограда, каменная давилка и т. д.), то станет ясным, что и в хозяйственном укладе Тиритаки разведение винограда и производство вина имело существенное значение.

Вся серия открытых памятников, связанных с боспорским виноделием, охватывает период, начиная с позднеэллинистического вплоть до позднеримского времени. Повидимому, стимулирующей причиной создания на Боспоре обширного собственного виноделия в какой-то степени является общее сокращение импортной торговли и связанное с этим уменьшение подвоза вин из Греции и островов в позднеэллинистический период. К тому же нужно иметь в виду, что вино являлось не только предметом широкого потребления населения причерноморских греческих городов; вино безусловно являлось одним из главнейших товаров в греческой торговле с туземцами [1]. Естественно, что это создавало очень выгодные условия для

[1] Strab., XI, 493.

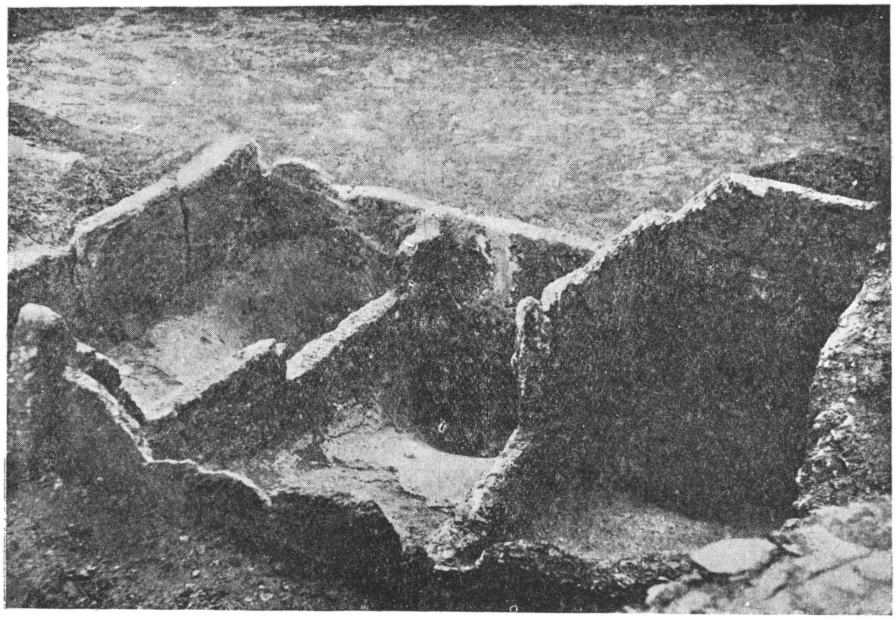


Рис. 11. Резервуары для стока виноградного сусла

развития данной отрасли производства, обеспеченной столь надежными возможностями сбыта. И если наиболее высокосортные вина, вероятно, всегда в той или иной мере импортировались извне, то производство более простых вин Боспор сумел, видимо, наладить неплохо и у себя, как это наглядно показали раскопки Тиритаки и Мирмекия. Во всяком случае, нет никаких оснований относить города Северного Причерноморья к районам, не имевшим своего виноделия, как это иногда делалось раньше [1], хотя уже ранее очевидным исключением являлся Херсонес.

Виноградарство и виноделие играли в эллинистическо-римский период безусловно преобладающую роль в экономике Мирмекия. Что касается Тиритаки, то там эта отрасль хозяйства, хотя и имела весьма существенное значение, однако не была основной.

Поскольку и Тиритака и Мирмекий являлись поселениями прибрежными, вполне понятно, что одним из видов хозяйственной деятельности жителей было рыболовство, использование пищевых ресурсов моря. Находки бронзовых рыболовных крючков, грузил от сетей в виде каменных плиток с просверленными сквозными отверстиями, бронзовых и костяных игл для плетения сетей—все эти орудия рыболовства являются характерными для Мирмекия, равно как и Тиритаки. Попутно заслуживает быть отмеченным обилие античных культурных отложений всех периодов створок съедобных морских

[1] Ср. статью J a r d é s. v. «Vinum» в Dictionnaire Daramberg-Saglio, стр. 929.

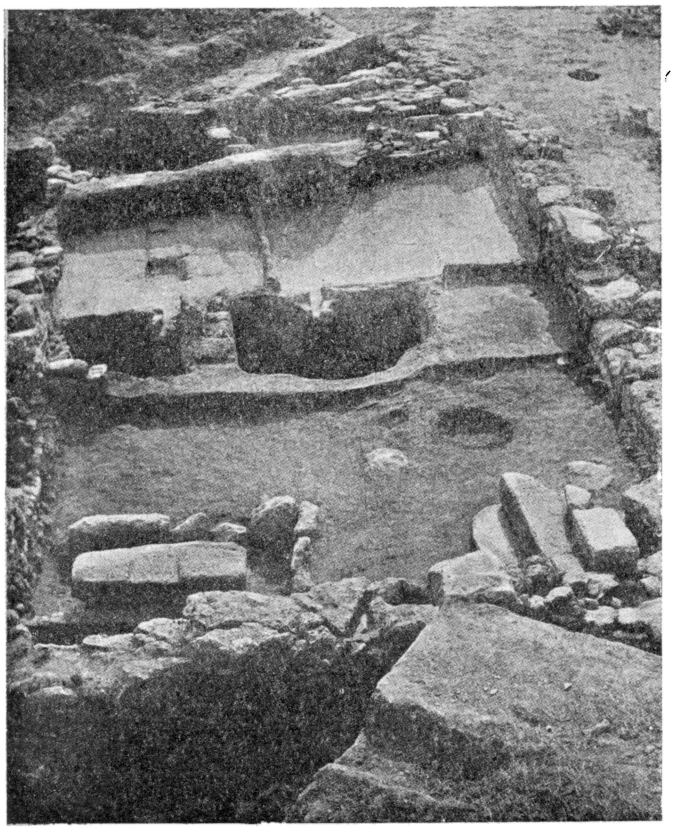


Рис. 12. Общий вид винодельни эллинистическо-римского времени, открытой на средней террасе Тиритаки

моллюсков, главным образом мидий (Mytilus galloprovincialis L.), меньше—устриц (Ostrea taurica Kryn), служивших, видимо, излюбленным и широко использовавшимся пищевым продуктом.

Но рыболовство на Боспоре, как известно, не только удовлетворяло рыбными продуктами широкие слои местного населения; соленая рыба (τάριχος) была наряду с хлебом и рабами одним из главнейших товаров экспортной торговли, на что имеются достаточно определенные указания древних писателей [1].

Из Страбона нам известно, что на восточном побережье Азовского моря были расположены многочисленные рыбацкие становища (ἁλιεύματα), заготовлявшие соленую рыбу [2], шедшую на вывоз. Менее ясны были размеры рыбопромышленной эксплоатации Керченского

[1] Strab., VII, 403; Polyb., Histor., IV, 38; Demosth. adv. Lacr. § 31. Сводка литературных данных у Köhler—Τάριχος ou recherches sur l'histoire et les antiquités des pêcheries de la Russie méridionale, 1828.

[2] Strab., XI, 375.

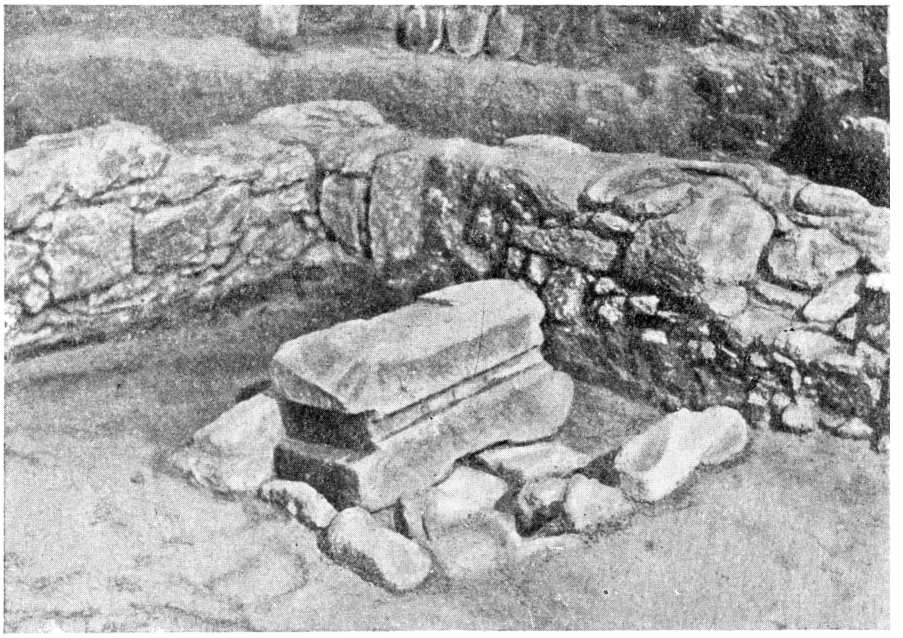


Рис. 13. Каменная гиря от рычажного пресса

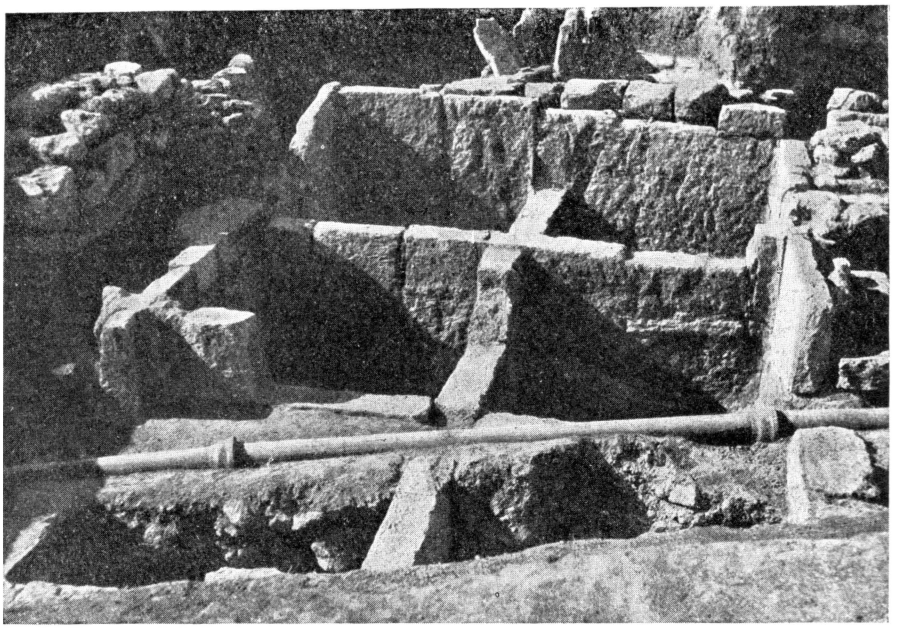


Рис. 14. Рыбозасолочные ванны (на переднем плане труба современного водопровода)

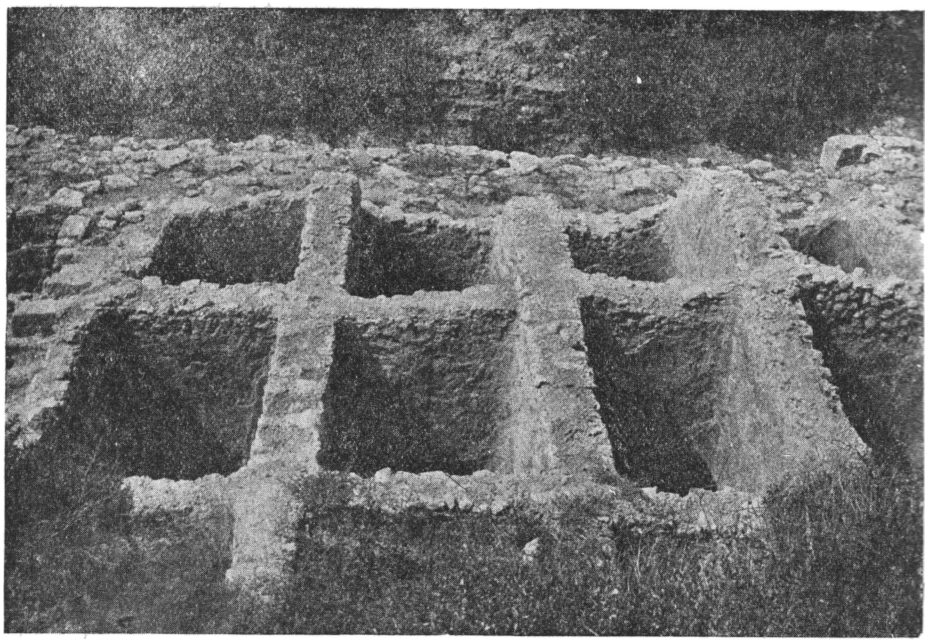


Рис. 15. Рыбозасолочные ванны, примыкающие к оборонительной стене

пролива. Археологические исследования в Тиритаке проливают свет и на этот вопрос. Выяснилось, что в Боспорском царстве были отлично учтены и использованы богатейшие возможности широкого развития рыболовства в Керченском проливе. Об этом говорят открытые в Тиритаке многочисленные остатки рыбозасолочных сооружений. Интересно, что и в настоящее время этот же район (Камыш-Бурунская коса) является одним из главных пунктов рыбного (преимущественно сельдяного) промысла в Керченском проливе.

Раскопками открыто в Тиритаке около тридцати древних рыбозасолочных цистерн, которые, следуя современной практике, лучше называть рыбозасолочными ларями, или ваннами. Они представляют собою обычно сооружения, состоящие, как правило, из нескольких прямоугольных в плане, тщательно оцементированных внутри вместилищ, чрезвычайно сходных с бетонными ларями, применяющимися в современных рыбных промыслах для той же цели, т. е. для засолки рыбы.

Цементировка стен и днищ в ваннах преследовала цель сделать их непроницаемыми, чтобы хорошо удерживался рассол. Рыбозасолочные ванны строились так, что корпус их находился в земле, над поверхностью земли они возвышались немного. Над ваннами, если они не находились внутри закрытых помещений, устраивались особые навесы с черепичной кровлей, как об этом можно судить по многочисленным обломкам черепиц, находимым на дне ванн.

Преобладающее большинство открытых до сих пор в Тиритаке рыбопромышленных сооружений относится к римскому периоду, наиболее ранние—к I в. до н. э.

По приемам строительной техники ванны не однородны.

В наиболее ранних рыбозасолочных ваннах стены построены из крупных и более мелких плит, сложенных насухо правильными горизонтальными рядами. Мы имеем в виду открытый в 1934 г. комплекс, состоящий из трех ванн, вместимостью около 13 куб. м каждая, при глубине до 3,30 м.

В римское время ванны строились обычно из бутового камня на цементном растворе (римский «бетон»). Только в одном римском рыбозасолочном комплексе, раскопанном в 1935 г. на верхнем плато городища Тиритаки, шесть ванн (рис. 14) общей вместимостью около 33 куб. м построены из крупных плит, поставленных вертикально, т. е. на ребро (размеры каждой ванны 1,70 м×1,80 м, глубина—1,80 м).

Как уже отмечалось, все ванны внутри покрывались цементом, состоявшим из известкового раствора с примесью толченой керамики, т. е. такого же состава, какой мы видели в винодельнях. Обмазки внутри ванн многократно обновлялись.

Особый интерес представляет громадное рыбозасолочное предприятие, открытое около оборонительной стены в южной части Тиритаки (рис. 15) (план на рис. 4). Вплотную к стене пристроены рыбозасолочные ванны. Из них полной расчистке подвергнуто восемь ванн, а частичной—пять ванн (исчерпывающему выявлению всех ванн мешает возведенная в этом месте железнодорожная насыпь). Вполне очевидно, что в данный комплекс входило не менее шестнадцати ванн, расположенных по четыре в каждом поперечном ряду. В среднем размеры каждой ванны: длина—3,10 м, ширина—1,70 м, глубина—2,50 м; стало быть, вместимость всех ванн составляла не менее 210 куб. м. Стены ванн построены из бутовых камней на растворе розового (от примеси керамической крошки) цвета, поверхность внутренней штукатурки была еще особо окрашена в красный цвет; совершенно такой же прием мы видели выше в одной из мирмекийских виноделен. Около ванн открыты два колодца (рис. 16) и помещения для обработки рыбы. На дне нескольких ванн оказались остатки рыбьих костей и чешуи, принадлежащих преимущественно керченской сельди. Специалисты высчитали, что указанная общая емкость ванн позволяла сразу произвести засол около 200 т сельди, а это говорит о принадлежности этих ванн весьма крупному рыбопромышленному хозяйству [1].

Если учесть не только громадную вместимость, но и особое местоположение ванн, примыкающих к наиболее укрепленному участку

[1] В Херсонесе, являвшемся также значительным рыбопромышленным центром в Северном Причерноморье, открыт целый ряд рыбозасолочных цистерн, иногда очень больших (М. Т и х и й—Анчоус Херсонеса Таврического, Петроград, 1917, стр. 12 и сл.), но они все-таки не могут итти в сравнение с данным рыбопромышленным комплексом Тиритаки.

Рис. 16. Колодец с юго-восточной стороны рыбозасолочных ванн

оборонительных стен, то естественно напрашивается вывод, что здесь перед нами остатки не рядового частного хозяйства, а предприятия, принадлежавшего, вероятнее всего, боспорскому царю.

Большой размах рыбопромышленного хозяйства говорит за то, что рыба, заготовлявшаяся в таком количестве, вряд ли рассчитывалась на местный сбыт; вероятнее, что она предназначалась для экспорта. Как известно, в римский период экспорт Боспора был тесно связан с поставками провианта для римской армии, главным образом в Малой Азии [1].

В этом же направлении мог итти и вывоз соленой рыбы, тем более, что соленая рыба и по своей сравнительной дешевизне и ввиду легкости транспортировки являлась одним из основных продуктов питания солдат во время военных походов [2].

Вместе с тем, нужно подчеркнуть, что в производственных сооружениях Тиритаки и Мирмекия отчетливо заметны влияния римского инженерно-строительного искусства. Достижения римской техники были, несомненно, использованы и на Боспоре. Применяя соответствующие римские строительные приемы, в частности цементные

[1] Tacit.—Annal. XIII, 39.

[2] Köhler, ук. соч., стр. 387, ср. O. Keller—Die antike Tierwelt, Leipzig, 1913, стр. 336.

растворы (с примесью битого кирпича или черепиц) [1], возможно было строить такие рыбозасолочные сооружения, которые позволяли боспорским рыбопромышленникам заготавливать консервированную рыбу в огромном количестве. Любопытно отметить, что одни и те же технические средства в римский период находили применение в отдаленнейших друг от друга пунктах Римской империи. Наиболее сходные по величине и устройству группы рыбозасолочных ванн открыты на западном и особенно на южном побережье Португалии (в Альгарве), а также на юго-западном побережье Испании [2].

Из представленного краткого обзора важнейших результатов, достигнутых раскопками Тиритаки и Мирмекия, ясно следует, какое важное научное значение имело бы планомерное археологическое исследование остатков поселений, находившихся в пределах Боспорского государства. Эти исследования дадут богатый и поучительный материал, который позволит воссоздать былую жизнь городов Боспорского царства, их хозяйственный быт и материальную культуру.

И остается только пожелать, чтобы в дальнейшем исследования Боспорских поселений велись еще более интенсивно и в еще более широких масштабах.

[1] Этот строительный раствор (opus signinum) был издавна известен в римской строительной практике и литературе, сводка в статье «Signinum opus» в R. E. Pauly—Wissowa.

[2] Mesquito de Figueiredo—Ruines d'antiques etablissments à salaisons sur le littoral sud du Portugal, «Bulletin hispanique», VIII, 1906, стр. 111 и сл.; Его же—Monuments romains du Portugal, «Revue archéologique» 1913, стр. 360 и сл.